

УДК 82-1:808-1

**«ВОЕННЫЕ» БАЛЛАДЫ В ПОЭЗИИ Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО И В. ВЫСОЦКОГО
(сравнительная поэтика стилей поэтов) В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1970-Х ГГ.:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Н. Я. Сипкина^{1, @}

¹ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
@ sipkina.nina@yandex.ru

Цель статьи – рассмотреть поэтику художественных стилей поэтов-«романтиков» Р. Рождественского и В. Высоцкого в контексте поэтически-стилевых тенденций литературного процесса 1970-х гг., на примере их балладного творчества, объединённого военной тематикой. Выделенный аспект исследования в творчестве художников является актуальным в современном литературоведении, и ранее научному изучению не подвергался. Методологическую основу исследования составили труды учёных-филологов А. Н. Веселовского, В. А. Зайцева, А. А. Потебни и др. Автор статьи приходит к выводу, что «синтез» поэтических тенденций и, питающих их, традиций помогли поэтам ярче раскрыть индивидуальные возможности и внести своими «военными» балладами новое слово в эволюцию стиля русского стиха.

Ключевые слова: поэтика, художественный стиль, поэтически-стилевые тенденции, балладное творчество, жанр.

Для цитирования: Сипкина Н. Я. «Военные» баллады в поэзии Р. Рождественского и В. Высоцкого (сравнительная поэтика стилей поэтов) в контексте литературного процесса 1970-х гг.: основные тенденции развития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 210 – 215.

В современном литературоведении остаётся актуальным вопрос о выявлении тенденций и закономерностей развития современной поэзии и их взаимосвязей с опытом стилиевых традиций отечественной поэзии [5, с. 299 – 320; 9, с. 374 – 391; 10, с. 521 – 666; 11, с. 153 – 156; 12; 18, с. 446 – 473; 19; 20, с. 344 – 350]. В поэтическом процессе 1970-х гг. условно выделяются два стилиевых направления: «реалистический и романтический» [4, с. 28]. По мнению учёного-филолога данный период характеризуется творческим «всплеском» поэтов «реалистов» А. Твардовского, С. Маршака, А. Яшина, С. Наровчатова, А. Межирова, Б. Слуцкого, Е. Винокурова, Е. Евтушенко, А. Жигулина и др. и поэтов-«романтиков», к числу которых В. А. Зайцев отнёс: Н. Асеева, В. Луговского, А. Прокофьева, М. Светлова, Р. Рождественского, Р. Казаковой, Н. Матвеевой и др.

Ю. И. Минералов добавляет к выделенным стилиевым направлениям – модернистский. По утверждению учёного процесс обновления стиля закономерен и естественен с появлением каждого «новоиспечённого» творческого «импульса», т. е. талантливого поэта со своим мировыражением, мироощущением. В то же время ранее неизвестное новообразующее стилиевое направление с выявлением «значимого» имени, как правило, интуитивно, на подсознательном уровне возвращается «к праисториическим, вошедшим в плоть и кровь данного народа воззрениям на природу, сущность человеческого бытия...» [11, с. 156], т. е. к источникам, питающих вдохновение поэтов.

Сопоставленное соотношение объективного и субъективного в методе и стиле выделенных поэтических направлений условно определено в их многоступенчатую классификацию. Реалистические стили «разделены» на объективные и субъективные. Субъективные – на лирические и условные, а те – на конструктивные и экспрессивные, на стыке которых возникает «эксцентрический» стиль. Романтические стили, в свою очередь, также были «подразделены» на объек-

тивно-романтические, лирико-романтические, экспрессивно-романтические и т. д.

Ученые обнаружили поэтические стилиевые тенденции в лирике 1970-х гг. «к романтическому обобщению и аналитичности», к «интеллектуально-философской напряжённости стиха», к «насыщению смелыми ассоциациями и фантастикой», к «экспрессии и метафоризации», к «народно-мифологической образности и символике». Но в то же время утверждается, что «поэтическая индивидуальность не может исчерпать себя в одной какой-либо тенденции. Отсюда поиски обогащения изобразительных и выразительных средств, характерное для нашего времени стремление к художественному синтезу» [4, с. 176; 5, с. 314 – 315; 12, с. 156].

Подробно анализируя отечественный поэтический процесс, В. А. Зайцев выделяет и основные черты поэзии 1970-х гг.: «органично впитанный опыт традиций классической поэзии Золотого и Серебряного веков, фольклорные истоки, и, в то же самое время, смелое и оригинальное их продолжение и обновление» [3, с. 283]. В поэзии «послевоенного», «младшего» поколения (Р. Рождественский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, В. Высоцкий, Ю. Кузнецов и др.), по мнению учёного, было основным то, что, «осмысливая пути новаторства и отношения к традициям, они искали формально и содержательно оптимальные возможности художественного отражения современного мира» [3, с. 229].

Рассмотрим поэтику художественных стилей поэтов-«романтиков» Р. Рождественского и В. Высоцкого в контексте выше указанных поэтически-стилевых тенденций 1970-х гг., на примере их «военных» баллад.

Под поэтикой индивидуального стиля, вслед за Ю. И. Минераловым, мы будем подразумевать творческий принцип создания «военных» баллад Р. Рождественского и В. Высоцкого в сравнительном аспекте, где стиль – это «регулятор и организатор; он управляет созданием субстанции (текста произведения)...» [12, с. 351].

Как известно, «БАЛЛАДА (от народно-латинского «ballare» – «плясать»)» – жанровое обозначение лиро-эпических поэтических произведений «романтического» содержания, «представляющие определенные стадии исторического развития» [6, с. 422] общественного сознания.

Специфика творчества В. Высоцкого – авторское исполнение своих стихов-песен, позволила ввести в сферу наших научных интересов термин «ЗОНГ» (от нем. der Song – эстрадная песня) – вид баллады, иногда близкой к джазовому ритму, часто пародийного, гротескного характера, содержащей едкую сатиру и критику общества» [8, с. 257]. Сам поэт ясно обозначил влияние Б. Окуджавы на его творческие искания: «...когда я услышал песни Булата Окуджавы, я увидел, что можно свои стихи усилить ещё музыкой, мелодией, ритмом. Вот я и стал сочинять музыку к своим стихам» [3, с. 284].

В русской литературе XX в. можно отметить продолжение развития мировых традиций поэтического жанра баллады с её стремлением формального обновления: от *классического* варианта (А. Ахматова «Новогодняя баллада»; Н. Гумилев «Баллада» («Влюбленные, чья грусть...»); В. Брюсов «Баллада о любви и смерти», В. Ходасевич «Баллада», Я. Смеляков «Английская баллада» и др.) до *вольного изложения* поэтической мысли, более схожей с поэмой, и которую можно условно сформулировать, как «*баллада-поэма*» (Б. Пастернак «Баллада» («Дрожат гаражи автобазы...»), М. Цветаева «Баллада о проходимце», Э. Асадов «Баллада о друге», А. Кочетков «Баллада о прокуренном вагоне» и др.).

Баллады XX в. отличаются разнообразием и в тематическом отношении. Можно выделить также «*классические*» баллады романтично-исторического содержания, отражающие легенды, мифы, исторические события античности, Средневековья, XIII – XX вв. (Б. Пастернак «Баллада» («*Бывает курьером борзом...*»), Э. Багрицкий «Баллада о Виттингтоне», Л. Мартынов «Баллада о Николае Рерихе», В. Фёдоров «Баллада о звенящем солнце», С. Есенин «Баллада о двадцати шести», М. Анчаров «Баллада о танке «Т-34», Р. Рождественский «Байкальская баллада», В. Высоцкий «Баллада о вольных стрелках» и др.), и баллады, имеющие «*автобиографические черты*», отличающиеся *лиризмом* (Н. Тихонов «Баллада о пустыне», А. Вознесенский «Баллада 41-го года», Я. Смеляков «Баллада Волховстроя», М. Анчаров «Баллада об относительности возраста», Н. Глазков «Баллада о тракторе и ритуальном камне», С. Гудзенко «Баллада о дружбе» и др.).

Данное жанровое движение отразилось и в балладном творчестве Р. Рождественского и В. Высоцкого. В поэтическом «репертуаре» художников можно насчитать десятки стихотворений, которые мы отнесли к жанру баллады, и к выявленной тенденции плавного «преобразования» их в «баллады-поэмы», с разнообразными тематическими наполнениями: от романтично-исторического до автобиографического содержания, отразившие волнующие моменты духовного развития поэтов. Например, у Р. Рождественского к лиро-эпическим стихотворениям мы отнесли «Письмо из бухты Н...», «Убили парня», «Огромное небо»: «Детская игра», «Третье музыкальное», «Баллада о том, как

инки начали поклоняться солнцу», «Баллада о спасённом знамени», «Признание кинодублёра» и др. У В. Высоцкого в перечень баллад-«зонгов» можно отнести практически всё его песенно-поэтическое творчество, так как, по мнению Р. Рождественского, «он создавал песни-роли, органически вживаясь в образы персонажей – героев стихотворения» [3, с. 284]. Среди прочих можно выделить специально обозначенные, как «Баллада о любви», «Баллада о борьбе», «Баллада о гипсе», «Баллада о бане» и др. и необозначенные, в число которых мы включили следующие поэтические произведения: «Расстрел горного эха», «Высота», «Аисты», «Письмо», «Моя «Цыганская», «Охота на волков», «Две судьбы» и др., что не помешает последние отнести к исследуемому жанру баллады, так как они отличаются специфическим балладным лирико-повествовательно-историческим содержанием.

Из-за невозможности в рамках научной статьи проанализировать всё «богатство» данного жанрового наследия поэтов, нами выделены баллады военной тематики, в которых, по нашему мнению, в большей мере отразились нравственно-эстетические принципы художников слова и стилевые тенденции отечественного поэтического процесса 1970-х гг.

Уместны слова А. Н. Веселовского: «Всякое искусство и поэзия в высшей степени, отражают жизнь. Всякое произведение искусства носит в себе печать своего времени, своего общества» [1, с. 388]. Например, чертами мифологизма отличается «Баллада о спасённом знамени» Р. Рождественского, в которой традиционно используется балладный «трагический» мотив: повествуется о гибели в «нравном бою» русских воинов с «вражеским» полком: «*Сколько полегло парней в том бою – / не знаю. / Засыхало – / без корней – / полковое знамя ...*» [16, с. 397].

«Балладу о спасённом знамени» отличает «типология» поэтических «образов-символов, мотивов, оборотов, параллелей и сравнений» [1, с. 498]. Для анализируемой баллады свойственен сказочно-фантастический сюжет: «волшебное оживление» погибшего солдата, узнаваемо описание путей-дорог «сказочного» героя: «*Полз / пустым березняком. / Шёл / лесным овражком...*»; и использование художественного приёма – гиперболизации: «*Он себя / считал полком / в окружение вражьем!*» [16, с. 397]. «Баллада о спасённом знамени» по своему содержанию обладает признаками былинного эпоса, отражая и характерный для этого вида жанра мотив «бессмертия»: «*Спал он в поле, и его / знамя / согрело... / Шли дожди. / Кружилась мгла. / Задыхалась буря. / Парня / пуля / не брала – / сплющивалась / пуля!*» [16, с. 398].

Полковое знамя в балладе Рождественского становится образом-символом победы над силой «неправедной» и «организовывает» сюжет баллады – «борца за правое дело»: «*Шёл он долго, / нелегко. / Шёл / по полям в росах, / Опираясь на древко / как на веший / посох*» [16, с. 398].

Основной мотив «Баллады о бессмертии» Р. Рождественского подсказывает само название баллады. События, происходящие в стихотворении, можно условно отнести к истории гражданской войны (1920-х гг.), в которые влетают «реалии» современной действительности, что мы наблюдаем во «вступле-

нии» баллады: «Я расскажу теперь... / как наш товарищ пел / в двадцатом. / Перед смертью» [16, с. 416].

Трагизм ситуации усиливается используемой саркастической репликой одного из «карателей», которые после жестокого избиения лирического героя, заставили его рыть для себя могилу: «А может, ты спойшь?...» / смеясь, / спросил хорунжий...» [16, с. 416].

Баллада Р. Рождественского спорит и с известной пословицей: «Один в поле – не воин», у поэта «один в поле – воин», если у «воина» помощник – слово, которое «страшнее пистолета». Каскад эпитетов-сравнений напоминает невидимую психологическую битву: «бой» слова с «мучителями»: «Луна ползла, / как тиф. / Безжизненно. / Сурово... / И вздыбился / мотив! / И прозвучало слово...» [16, с. 416].

Слова лирического героя, поющего «Интернационал», вводят в панику дюжину «молодцов», учиняющих казнь комиссара. Паническое состояние недругов выделяется и в поэтическом слого. Этому служат эпитеты, метафоры-сравнения для которых характерен «физиологический синкретизм ассоциаций чувственных восприятий...» [1, с. 78 – 79] и разрядка слова «продолжалась»: «Литые фразы / жгли, / с зарёй перемежаясь... / Хорунжий крикнул: / «Пли!» / А песня / продолжалась. / Была грозе сродни, светилась и трубила!.. / В руках у солдатни / плясали / карабины. / Дрожали молодцы – / ни стати / и ни прыти...» [16, с. 417 – 418].

В поэтике стихотворного стиля анализируемой баллады можно найти художественный приём – «психологический параллелизм», также характерный для народнопоэтического стиля, в котором сопоставленные мотивы «бессмертия» и «сила слова» «точно сплетающиеся вариации одной и той же музыкальной темы, взаимно суггестивные...» [1, с. 144]. В финале баллады утверждается «бессмертный» подвиг комиссара, который становится нравственным критерием для современников поэта: «Великие певцы, / пожалуйста, / замрите!.. / Пусть видит комиссар, / как в озаренье алом / встаёт / высокий зал / с «Интернационалом!» / И солнечно в судьбе. / И ощущаешь гордость / и веришь, что в тебе – тот / комиссарский голос!» [16, с. 418].

По идейному и тематическому содержанию баллада – «зонг» «Расстрел горного эха» В. Высоцкого сходно с «Балладой о бессмертии» Р. Рождественского. «Расстрел горного эха» имеет также аллегорический характер и разоблачает «жестокость» нравов «человечества» XX в. А лирическим героем баллады-песни становится, парадокс, но это – «звуковой эффект», который имеет, в отличие от человека – «звериноподобного», «человеческие чувства»: «В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха, / На кручах таких, на какие никто не проник, / Жило-поживало весёлое горное эхо, / Оно отзывалось на крик – человеческий крик» [2, т. 4, с. 223].

Баллада имеет автобиографические черты. Песенно-стихотворное творчество В. Высоцкого в Советском Союзе при жизни поэта официально не признавали, несмотря на то, что оно стало «классиком» «магнитофониздата» ещё, когда его стихи не печатались в журналах и книгах, а его имя упоминалось официальной прессой исключительно в бранном контексте. «Само понятие о свободной поэзии под гитару, записанной на магнитофонные бобины, возникает в культурном быту

СССР 1960-х, а затем 1970-х и 1980-х г., именно поэтому В. Высоцкий оказался самым популярным поэтом 1970-х гг.» [10, с. 139]. «Расстрел горного эха» отличается «гротеско-пародийными» стилевыми особенностями: «Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья, / Чтоб не был услышан никем громкий топот и храп, / Пришли умертвить, обеззвучить живое ущелье – / И эхо связали, и в рот ему всунули кляп. / Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха, / И эхо топтали, но звука никто не слышал...» [2, т. 4, с. 223].

Финал баллады имеет «вещий» характер: соответствует «финалу» жизненного пути В. Высоцкого. В стиле поэтического текста используются «красноречивые», образные сравнения: «К утру расстреляли притихшее горное эхо – / И брызнули слезы, как камни, из раненых скал...» [2, т. 4, с. 223].

«Военные» баллады («Баллада о зенитчицах», «Баллада о молчании», «Баллада о красках») Р. Рождественского так же отражают героические поступки «персонажей» поэтических произведений. Выделенный круг баллад отличается эпичностью – это «маленькие поэмы-рассказы в стихах: со своей завязкой, развитием действия, кульминацией, развязкой» [14, с. 199].

Художественными стилевыми находками отличается баллада-песня «Высота» В. Высоцкого. Лирический герой «повествует» о взятии «безымянной» высоты советскими солдатами. Экспрессивные слова-просторечья «вцетились», «лезли» помогают образно представить «сверхнапряжение» боя: «Вцетились они в высоту, как в свое. / Огонь минометный, шквальный... / А мы все лезли толпой на нее, / Как на буфет вокзальный» [2, т. 1, с. 160].

Образ «смерти»: «И крики "ура" застывали во рту, / Когда мы пули глотали», и образная «магия» символического числа семь: «Семь раз занимали мы ту высоту / Семь раз мы её оставляли» становятся «эмоционально и содержательно» ёмкими «за счёт несоответствия и несоразмерности» двух планов – плана выражения, т. е. того о чём говорится, и плана содержания, т. е. того, что подразумевается» [20, с. 16] под поэтическими фразами баллады.

Неудачные попытки взятия высоты вызывают у товарищей лирического героя контрастные чувства. В поэтических фразах баллады используются художественные тропы, в которых «реализуется процесс поэтического мышления» [13, с. 17] читателя. В данном случае – это сравнение и метафора: «И снова в атаку не хочется всем, / Земля – как горелая каша... / В восьмой раз возьмем мы её насовсем – / Своё возьмем, кровное, наше!» [2, т. 1, с. 160].

Следующее четверостишие песни-баллады написано в «народнопоэтическом» стиле, с характерным использованием риторического вопроса-восклицания, и слов «мифологического» народного представления о человеческой жизни, в которых литературоведы видят «установление аналогии между словами и мифом» [13, с. 13]. Так по народному представлению судьбу человека, определяют некие «мифические существа», которых никому из живущих нельзя избежать: «А может её стороной обойти, – / И что мы к ней прицепились?! / Но, видно, уж точно – все судьбы-пути / На этой высоте скрестились» [2, т. 1, с. 160].

В «Балладе о красках» Р. Рождественского стилизованным изображением становятся символы «цвета» и художественный приём психологического параллелизма, также характерные для народнопоэтической лирики. Например, по народной символике эпитет «белый» имели «все предметы, достойные хвалы, чести, уважения, любви: белые дни – счастливые дни». «Белому» подобен и «золотой» цвет, «который относится не к цвету или материальному качеству предметов, а выражает вообще идею ценности». «Зелёный цвет – символ надежды и радости; свежего, юного, сильного, ясно-го...». «Серый» и «чёрный» цвет символизируют «злобу и другие отрицательные впечатления» [1, с. 83].

Данная особенность становится сюжетно образующей в «рассказе» о двух братьях с «рыжими» и «чёрными» волосами, ушедших на войну, в «Балладе о красках» Р. Рождественского. Этим «цветом» отличалась и война: *«рыжий бешенный огонь и чёрный дым»*. Характерные цвета войны становятся – *«злая зелень застоявшихся полей», «серый цвет прифронтовых госпиталей»* [16, с. 518]. В «Балладе о красках», используя различную цветовую гамму, поэт сумел передать образные картины войны: разрушенные дома, несобранный урожай, смерть людей. *«Золотистые»* ордена, *«зеленое»* вино, *«смертельная белизна»* становятся «цветом» – символом победы [14, с. 200].

Чертами русской народной быliny отличается также и песня-баллада «Аисты» В. Высоцкого, в которой повествуется о «последствиях» военной «бойни» для всего «сущего». Высоцкий сумел найти слова – «позы» (И. Северянин), которые передают «жуткие» образы военных действий. В исследуемой балладе мы наблюдаем ещё и метафоризацию: *«Небо этого дня ясное, / Но теперь в нем броня лязгает. / А по нашей земле гул стоит, / Дым и пепел встают, как кресты»* [2, т. 2, с. 49].

В «Аистах» В. Высоцкого для стилизованного изображения, как и в «военных» балладах Р. Рождественского, характерно использование художественного приёма – параллелизма, который «покоится на сопоставлении субъекта и объекта по категории движения, действия, как признака волевой жизнедеятельности» [1, с. 37]. Так, «признаком» войны в содержании баллады становится исчезновение «птичьего пения», «птичьих гнёзд», и, наоборот, появление воронов, как следствие наступившей беды. Повторяющиеся поэтические фразы, с небольшими изменениями, располагающиеся в последней строчке каждого шестистишия, выполняют функцию рефрена баллады, являясь при этом специфической «приметой» данного жанрового образования, и говорят об утрате «радости» на «полях» войны:

1. *«Гнезд по крышам не вьют аисты».*
2. *«Певчих птиц больше нет – вороны».*
3. *«Гнезд по крышам не вьют аисты».*
4. *«Певчих птиц больше нет, нет аистов».*

5. *«И над крышами нет аистов».* А использование отрицательной частицы «нет» привносит в содержание баллады еще большее «отчаяние».

Как и в «Балладе о красках» Р. Рождественского, в «Аистах» В. Высоцкий использует символику «цвета», но и здесь «золотой», «янтарный» – цвет жизни и плодородия – претерпевает трансформацию и превращается в цвет «несчастья», «стихии», вызванной «бедой-

войной»: *«Что ж там цветом в янтарь светится? / Это в поле пожар мечется...»* [2, т. 2, с. 49]

В тексте баллады поэт использует множество художественных «изобретений»: «автоприметы», иронию над «песенным» оптимизмом, приём контрастного сочетания абстрактных понятий, выражающих человеческие чувства, которые помогают представить образ войны-«плотой»: *«И деревья в пыли – к осени, / Те, что песни могли, – бросили. / И любовь не для нас. Верно ведь? / Что нужнее сейчас? Ненависть. / Дым и пепел встают, как кресты»* [2, т. 2, с. 49 – 50].

В балладе Высоцкого образ войны-«лиходейки» передаётся ещё с помощью звуковых представлений: *«Лес шумит, как всегда, кронами, / А земля и вода – стонами»* [2, т. 2, с. 50]. А повторяющаяся несколько раз поэтическая фраза *«Побрели все от бед на Восток»*, образно передаёт многомиллионное движение людского «потока», спасающегося от смерти.

«Военные» баллады Р. Рождественского и В. Высоцкого, как в зеркале, отражают автобиографические моменты. Поэты, как их балладные лирические герои – «павшие» воины, «сгоревшие» в творческой «войне», сумевшие выразить боль «народную», доказавшие, что «одни в поле – воины». Например, официальное признание к В. Высоцкому пришло только после смерти. Сначала это были отдельные шаги: в 1981 г. усилиями Р. Рождественского, был опубликован первый крупный сборник произведений В. Высоцкого – «Нерв», и вышла первая полноценная («диск-гигант») советская пластинка, как и положено большому поэту. В 1987 г. ему была посмертно присуждена Государственная премия СССР, «за исполнение роли капитана Желова в фильме «Место встречи изменить нельзя» и авторское исполнение песен» (премию получал отец – С. В. Высоцкий).

Песню-балладу «Он не вернулся из боя» о настоящей фронтовой дружбе Р. Рождественский считал «одной из главных в творчестве» [15, с. 6] В. Высоцкого. Для лирического героя баллады-«зонга» смерть товарища оборачивается «вселенской» трагедией: *«Нам и места в землянке хватало вполне, / Нам и время текло для обоих... / Все теперь одному, только кажется мне, / Это я не вернулся из боя»* [2, т. 2, с. 202].

Таким образом, 1970-е гг. в развитии отечественной литературы отмечены активными поэтическими, художественно-стилевыми исканиями, в ходе которых выявились определённые тенденции в различных формах художественного обобщения: «реалистически-конкретных», «романтических», «сложно-ассоциативных» и др. Это определило характерные черты основных стиливых течений, преемственно связанных с предшествующими периодами развития поэзии. В их широких рамках получили развитие стиливые тенденции, особенно отчётливо выразившиеся в «военных» балладах Р. Рождественского и В. Высоцкого, которое мы условно отнеси к стиливой тенденции – «романтического гротеска» с признаками «остранения», «социальной маски», «обращения к субъективной образности» и др.

Для «военных» баллад творчества Р. Рождественского и В. Высоцкого характерны черты романтического «двоемирия». «Специфические стиливые диссонансы обнажают несовместимость двух миров, вынужденно сосуществующих в одном времени и про-

странстве и вступающих в гротескные комбинации мира духа, поэзии, красоты, человечности...уродства, хамства, убогости» [10, с. 140]. Выделенные особенности отличают «Балладу о бессмертии» Р. Рождественского и «Расстрел горного эха» В. Высоцкого.

«Военные» баллады Р. Рождественского и В. Высоцкого добавили в отечественную поэзию лирико-патетическую интонацию, экспрессивность, яркость и контрастность образности, песенно-приподнятую, эмоционально-лирическую, смягчённую иронией интонацию и образность, соединение романтической патетики и бытового разговора, лирико-романтическое звучание, сюрреалистические образные комбинации. В поэтически-стилевую отечественную «копилку»

Р. Рождественский и В. Высоцкий внесли: создание «мифов» нового времени, совмещение временных дистанций, антиномические споры, аллегорически-пародийное изображение современной для поэтов действительности, автоприметы и др. В то же время «военное» балладное творчество поэтов-«романтиков» впитало в себя и традиции русской поэзии предшествующих веков: народнопоэтической, романтической, реалистической, модернистской в использовании типологии сюжетов, синкретизма в описании чувств и ощущений лирических героев, образной суггестивности, мифических представлений, символики «цвета» и др.

Литература

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 648 с.
2. Высоцкий В. Собрание сочинений: в 7 т. VENDA Publishing Co., Velton. Vertag GmbH. BBE GmbH. 1994.
3. Герасименко А. П., Зайцев В. А. История русской литературы второй половины XX века: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 455 с.
4. Зайцев В. А. Русская советская поэзия. 1960 – 1970-е годы (Стилевые поиски и тенденции). М.: Издательство Московского университета, 1984. 176 с.
5. Казаркин А. П. Русская литературная критика XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 350 с.
6. Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 1. 1087 с.
7. Кременцов Л. П., Алексеева Л. Ф., Малыгина Н. М. Русская литература XX века: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1940 – 1990-е годы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2003. 464 с.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. 848 с.
9. Лейдерман Н. Л., Липовецкий Н. М. Русская литература XX в.: 1950 – 1990-е годы: в 2 т.: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. Т. 2. 1968 – 1990. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 688 с.
10. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: учебное пособие. М.: Academia, 2003. 416 с.
11. Минералов Ю. И. История русской литературы: 90-е годы XX века: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2002. 224 с.
12. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 1999. 360 с.
13. Потебня А. А. Теоретическая поэтика: учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. 2-е изд. исправ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. 384 с.
14. Прищепа В. П., Сипкина Н. Я. Орфей великой эпохи: Биография поэта. Творчество Р. И. Рождественского: 1940-е – первая половина 1960-х годов: монография. Иркутск, 2012. 440 с.
15. Рождественский Р. От составителя / В. Высоцкий. Нерв. М., 1981. 102 с.
16. Рождественский Р. И. Собрание стихотворений, песен в одном томе. М.: Эксмо, 2014. 1088 с.
17. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 512 с.
18. Тимина С. И., Васильев В. Е., Воронина О. Ю., Выгон М. С., Звягина М. Ю., Иванова Н. Б., Каплан В. М., Катаев В. Б., Кобринский А. А., Кякшто Н. Н., Левченко М. А., Мартынова И. А., Полищук В. Б., Черняк В. Д., Черняк М. А. Современная русская литература (1990-е – начало XXI в.): учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд. стер. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2013. 352 с.
19. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд. исправ. и доп. М.: Академия, 2009. 432 с.
20. Хрящева Н. П. Теория литературы: история русского и зарубежного литературоведения: хрестоматия / сост. Н. П. Хрящева. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. 456 с.

Информация об авторе:

Сипкина Нина Яковлевна – кандидат филологических наук, сотрудник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, sipkina.nina@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 09.03.2016 г., принята к печати 26.04.2016 г.

**WAR BALLADS GENRE IN THE POETRY OF R. ROZHDESTVENSKY AND V. VISOTSKY
(comparative poetics of the poets' styles) IN THE CONTEXT OF THE LITERARY PROCESS
OF 1970S: BASIC TRENDS OF DEVELOPMENT**

Nina Ya. Sipkina^{1, @}

¹ *Khakass State University named after N. F. Katanov (Abakan, Russia)*
@ sipkina.nina@yandex.ru

The paper considers the poetics of the artistic styles of romantic poets R. Rozhdestvensky and Vladimir Vysotsky in the context of poetic-style trends of the second half of the 20th century, with the example of their ballad works. This aspect of the research is topical in the modern literary criticism. The author concludes that the unity of the poetic trends and feeding their traditions have helped artists to reveal their talents more brightly and make a new word in the evolution of the style of the Russian verse.

Keywords: poetics, artistic style, poetic and stylistic trends, ballad works, genre.

For citation: Sipkina N. Ya. «Voennye» ballady v poezii R. Rozhdestvenskogo i V. Vysotskogo (sravnitel'naia poetika stilei poetov) v kontekste literaturnogo protsessa 1970-kh gg.: osnovnye tendentsii razvitiia [War ballads genre in the poetry of R. Rozhdestvensky and V. Visotsky (comparative poetics of the poets' styles) in the context of the literary process of 1970s: basic trends of development]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 210 – 215.

References

1. Veselovskii A. N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. Ed. Jirmunskii V. M. 3th ed. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008, 648.
2. Vysocky V. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Vysotsky V.]. VENDA Publishing Co., Velton. Vertag CmbH. BBE CmbH, 1994.
3. Gerasimenko A. P., Zaitsev V. A. *Istoriia russkoi literatury vtoroi poloviny XX veka* [The History of Russian literature of the second half of the twentieth century]. Moscow: Akademiia, 2008, 455.
4. Zaitsev V. A. *Russkaia sovetskaia poeziia. 1960 – 1970-e gody (Stilevie poiski i tendentsii)* [Russian and Soviet poetry. 1960 – 1970 (Style searches and trends)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984, 176.
5. Kazarkin A. P. *Russkaia literaturnaia kritika XX veka* [Russian literary criticism of the twentieth century]. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta, 2004, 350.
6. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Brief literary encyclopedia]. Ed. Surkov A. A. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1962, vol. 1, 1087.
7. Kremontsov L. P., Alekseeva L. F., Malygina N. M. *Russkaia literatura XX veka. T. 2: 1940 – 1990-e gody* [Russian literature of the twentieth century. Vol. 2: 1940 – 1990]. 2nd ed. Moscow: Akademiia, 2003, 464.
8. Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazichnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Rus. yaz., 1998, 848.
9. Leiderman N. L., Lipovetskii N. M. *Russkaia literatura XX v.: 1950 – 1990-e gody. T. 2. 1968 – 1990* [Russian literature of the twentieth century: 1950s – 1990s years. Vol. 2: 1968 – 1990]. 3th ed. Moscow: Akademiia, 2008, 688.
10. Leiderman N. L., Lipovetskii M. N. *Sovremennaia russkaia literatura: 1950 – 1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950s – 1990s years]. Moscow: Akademiia, 2003, 416.
11. Mineralov Yu. I. *Istoriia russkoi literatury: 90-e gody XX veka* [History of Russian literature: the 90 years of the twentieth century]. Moscow: VLADOS, 2002, 224.
12. Mineralov Yu. I. *Teoriia hudozhestvennoi slovesnosti (poetika i individualnost')* [Theory of the art of literature (poetics and personality)]. Moscow: VLADOS, 1999, 360.
13. Potebnia A. A. *Teoreticheskaia poetika* [Theoretical poetics]. Comp. and comm. Muratov A. B. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU; Moscow: Akademiia, 2003, 384.
14. Prishchepa V. P., Sipkina N. Ya. *Orfei velikoi epohi: Biografiia poeta. Tvorchestvo R. I. Rozhdestvenskogo: 1940-e – pervaiia polovina 1960-kh godov* [Orpheus great age: a biography of the poet. The work of Rozhdestvenski R. I.: the 1940s – first half of 1960s]. Irkutsk, 2012, 440.
15. Vysocky V. *Nerv* [Nerve]. Comp. Rozhdestvenskiy R. Moscow, 1981, 102.
16. Rozhdestvenskiy R. I. *Sobranie stihotvorenii, pesen v odnom tome* [Collection of poems and songs in one volume]. Moscow: Eksmo, 2014, 1088.
17. Tamarchenko N. D., Tiupa V. I., Broitman S. N. *Teoriia literatury. T. 1. Teoriia hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaia poetika* [Theory of literature. Vol. 1. The theory of literary discourse. Theoretical poetics]. Ed. Tamarchenko N. D. 2nd ed. Moscow: Akademiia, 2007, 512.
18. Timina S. I., Vasil'ev V. E., Voronina O. Iu., Vygon M. S., Zviagina M. Iu., Ivanova N. B., Kaplan V. M., Kataev V. B., Kobrinskii A. A., Kiakshto N. N., Levchenko M. A., Mart'ianova I. A., Polishchuk V. B., Cherniak V. D., Cherniak M. A. *Sovremennaia russkaia literatura (1990-e – nachalo XXI v.)* [Modern Russian literature (1990s – beginning of XXI century)]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU; Moscow: Akademiia, 2013, 352.
19. Khalizev V. E. *Teoriia literatury* [Theory of literature]. 5th ed. Moscow: Akademiia, 2009, 432.
20. Khriashcheva N. P. *Teoriia literatury: istoriia russkogo i zarubezhnogo literaturovedeniia* [Theory of literature: the history of Russian and foreign literary criticism]. Moscow: FLINTA; Nauka, 2011, 456.

Received 09.03.2016, accepted 26.04.2016.